

ВАЛЕНТИНА Алексеевна сидела после спектакля в гримерной. Вокруг актеры переговаривались уже о своих домашних делах. Но Крюкова не вникала в смысл их слов. Всего лишь несколько минут назад на сцене не состоялось венчание, развеялся мираж счастья. И потрясение, которое испытала ее героиня, все еще жило в ней самой...

Вошел режиссер Михаил Семенович Богин. В зеркале Крюкова увидела его по-новому быстрый, цепкий взгляд, брошенный на нее, и поняла: она — выиграла, впервые исполнив главную роль в «Женитьбе»!

Нет, не дородная пышнотелая купчиха, словно сошедшая с полотна Кустодиева, лениво, «сыто» перебирала женихов; на сцене жила чутко, наивная, доверчивая, слепо верящая каждому слову девчонка. Она хотела быть счастливой, но оказалось, что один жених хочет просто получить ее «в придачу» к богатому каменному дому, другой ждет от нее изящных манер, непременно на французский лад... Тупость, алчность, ограниченность, давящие и уничтожающие всякое живое чувство и мысль, — вот мир, в котором жила ее героиня.

Я познакомилась с актрисой, когда у нее шли напряженные репетиции, рабочий день был распisan довольно жестко. Она выкраивала для бесед буквально по минутке. Взглянув на часы, вдруг спохватывалась: «Извините, сегодня я должна быть в театре пораньше — вечерний спектакль». А мне-то казалось, что она освободилась, и я было настраивалась на долгий разговор. В общем, обстоятельная беседа так и не получилась. То и дело возникали паузы, и у меня хватало времени, чтобы обдумать услышанное, увиденное, сопоставить личность актрисы с тем представлением, которое складывалось о ней.

В разговоре она проста, естественна. Но эта хрупкая женщина в черном вязаном берете, оттеняющем ее светлые тонкие волосы, могла вдруг неувольним жестом, изломом бровей, выражением глаз преобразиться в героиню, о которой она мне в эту минуту рассказывала. В ее Агафье Тихоновне в «Женитьбе» не было застенчивости, которой немало в ее собственной натуре. Стремительность, легкость, непринужденность — сущность ее игры.

Невольно вспоминается кинофильм «Визит вежливости». Есть там эпизод: в театре приморского города репетиция новой пьесы. Автор раздраженно наблюдает, как актриса долго роется в хозяйственной сумке, из которой торчит батон, наконец, извлекает тетрадь с ролью. Ничего в ее облике нет от прекрасной Лючи. Но вот премьеры. И автор, который в досаде ушел с репетиции, не скрывает восхищения игрой главной исполнительницы, ее талантом.

На сцене голос Крюковой (Валентина вообще говорит тихо, словно прислушиваясь к себе) обретает новые краски, передает малейший оттенок чувств: то бесечно звонко, то смешливо, то полно смятения и растерянности. В

каждом спектакле актриса запоминается.

Нет безликих образов — безлик бывает актер. Он может обладать импозантной внешностью, бездной темперамента, обилием жестов — а игра его никого не задевает, потому что она бесстрашна, холодна, не несет на себе печати личности художника, не согрета сердцем.

В «Пучине» Островского Крюкова только раз выходит на сцену — в роли дочери Кисельникова, всю жизнь тщетно пытавшегося вырваться из цепких лап нищеты и обретенного лишь безумие. Она появляется в последнем акте, когда действие приблизилось к своей трагической развязке.

Прекрасно играет Кисельникова Сергей Гордеев. Он страдает — и ему сострадает зритель. Его Кисельников плачет от отчаяния и собственно-го бессилия — слезы и на глазах у многих зрителей.

Крюковой выйти на сцену после Гордеева нелегко, да и времени на ее долю пьесой отведено мало: вот-вот должен опуститься занавес, а ей

колесе служебной машины. И поэтому признание экономиста, почему она взялась за расчеты, звучит для него неожиданно. Крюкова рассказывает, что бригада Потапова подкупила ее своей добротой, искренней заинтересованностью в чужой судьбе. «Сни пригласили меня на охоту. Я впервые стреляла в утку», — в этих словах бесхитростная радость одинокой женщины, обретшей настоящих друзей. Ярким мазком актриса приоткрывает нам чужую жизнь.

— В «Протоколе...», — сказала мне Валентина Алексеевна спустя несколько дней после спектакля. — Я чувствую

ЛЮДИ ИСКУССТВА

АКТРИСА

предстоит выразить сущность своей героини, убедить нас, что, хотя Лизонька не появлялась на сцене, она выросла, жила... Средства, которые использует актриса, предельно лаконичны. Каждый ее жест и слово четки, весомы. Обличительный монолог Лизоньки Крюковой против нищеты и несправедливости, погубившей ее отца, — это стихийный, внезапно выплеснувшийся крик разувверившегося сердца, но без ноток истерики. Девушка не только обвиняет этот мир, но стремится его постичь.

Пять лет идет на сцене Новгородского театра «Пучина», поставленная В. Воробьевым, но не ослабевает накал этого спектакля.

В другой раз я увидела Крюкову в эпизоде совершенно иного спектакля — «Протоколе одного заседания» по пьесе А. Гельмана.

Бригада Потапова отказалась от премии не ради фанфаронства и позы, а убедительно доказав, что в сложившейся ситуации премии стали заплатками на бесхозяйственности. Справиться со сложными расчетами бригаде помогает опытный специалист — начальник планового отдела. Накнуив на плечи пальто, пригладив волосы, она появляется в парткоме, спокойно отвечая на вопросы возбужденных руководителей. Крюковой важно раскрыть мотивы поведения ее героини. Ведь она проявила не женское мужество: спокойнее было бы промолчать, уклониться от помощи бригаде. Теперешний поступок ее, на первый взгляд, безрассуден. Но так ли?

Ее голос кажется особенно тихим после снисходительно рокошущего баритона директора. Он шумно, вроде даже радушно обращается к ней, расспрашивает... и тут же ее ответы забывает. Для него — она лишь винтик в громадном

каждой жилочкой, как зал напряжен, как напряжены все актеры. И это обязывает играть в таком же ключе.

Мне хочется в моих героинях защитить и красоту человека, и тепло, и душевность...

Крюкова 10 лет в театре. Для актрисы, ее творческого роста это немалый срок. Валентина училась в студии Владимирова в Ленинграде, но в основном ее становление прошло в нашем театре. Она пришла сюда из художественной самодеятельности. Открыл ее режиссер Николай Витарский. От массовок до заглавных ролей — вот путь актрисы.

— Мне везло в театре на хороших людей, — говорит В. А. Крюкова. — Без поддержки, особенно на первых порах, не обойтись ни одному актеру. Это счастье, когда близкие тебе по духу люди могут напрямую сказать: «Валентина, у тебя сегодня скверно получилось. Ты неважно играла» — и тут же объяснить, почему. Николай Иванович Пестов, Сергей Николаевич Шевяков, заслуженные артисты РСФСР Л. М. Коликова, Т. В. Алексанян, О. А. Васильев многое дали мне.

В театре немало поистине преданных ему работников, которые давно и верно служат сцене. Хочу назвать и ту, которая все годы остается в тени, но без которой на протяжении вот уже тридцати лет не проходит ни один спектакль. Это Александра Ивановна Строганова из гримерного цеха.

С завидной самоотдачей работают А. М. Запрудский, А. И. Балканский, молодые актеры и режиссеры.

Жизнь, — продолжает размышлять моя собеседница, — оттачивает человека, как ювелир. Смотришь — изум-

руд, а то и обыкновенный камень получился. Для актера главное — пережить творческую зрелость, не остаться вечным подростком на сцене.

Валентина видит театр в своем особом измерении, судит о нем строго, требовательно и самокритично. За 10 лет в театре сменилось несколько режиссеров — для актера это нелегко, надо уметь гибко следовать режиссерской мысли, верить в нее.

— От того, насколько мы согреты верой режиссера и сами верим в образ, зависит успех, когда мы в конечном счете одни остаемся на сцене, один на один со зрителем, — подытожила свою мысль актриса. — Мне кажется, вся сложность порой состоит в том, чтобы донести до зала всю полноту творческих усилий. Иначе зрителя не взволновать, не пробудить в его душе нужного чувства. А без его оценки игра актера теряет свой смысл...

Как складываются взаимоотношения театра и зрителя? Их определяют не только удачи и случайные неудачи театра, но и весь уровень духовной жизни города, его зрительской культуры, прививать которую нужно не в момент посещения театра, а с юных лет, дома, в семье, в школе. К сожалению, мне приходилось бывать на спектаклях, которые шли в полупустом зале. В такие минуты испытываешь острое чувство неловкости и за зрителей, и за актеров: ведь исполнители трудятся в полную силу, независимо от того, сколько человек их смотрит и слушает.

Думается, что Новгородский драмтеатр, который за последние годы помолодел, усиленно борется за своего зрителя. Молодые режиссеры, актеры, художники принесли с собой много новизны.

Недавно театр показал «Характеры» по рассказам В. Шукшина. Валентина Крю-

кова занята в массовых сценах, сидит в группе мужчин и женщин, пришедших на собрание. Она видит все происходящее как бы изнутри, с каждым разом сравнивая отдельные сцены, сопоставляя, насколько вырос спектакль.

Крюкова говорит о писателе, сценаристе, режиссере В. Шукшине не просто увлеченно, но с какой-то особой бережливостью, по-своему взыскательно:

— Я слежу за игрой товарищей и убеждена: наполненность, емкость шукшинского характера зависит от позиции актера. Степень страдания нельзя изобразить, надо его переживать самому. А почему наш театр поставил Шукшина! Потому, что писатель показал — русский человек неиссякаем в своей мечте. Без нее он не может быть счастлив. Наблюдая из вечера в вечер — и наступает момент, когда кажется, что в спектакле нет ни кусочка, который не был бы твоею прожит...

Слушаешь Валентину Алексеевну и думаешь, что все ее размышления, взволнованные и радостные, согреты настоящим чувством — любовью к театру, который остался для нее навсегда таинством. Он — неотделимая часть ее жизни, главное ее содержание.

Мне запомнились слова киноактера Вячеслава Тихонова на недавней встрече с новгородцами. Он сказал, что судить, состоялся актер или нет, даст право не новенький диплом, а только годы. С их высоты можно оглянуться на пройденный путь и увидеть, не был ли он напрасен.

Десятый сезон закончила Валентина Крюкова на сцене Новгородского драматического театра. Скоро она вместе с коллективом отправляется на гастроли в Белоруссию.

Новые места — это новые встречи, впечатления, познание людей и себя самого.

Однажды на гастролях во Пскове после спектакля «Всем смертям назло» Крюкова получила письмо. Незнакомая женщина благодарила актрису. «Своей игрой, — подчеркивала она, — вы несколько сместили акценты, и в центре сценического повествования оказался не Титов, устоявший перед испытаниями жизни, а его жена. Она помогла ему выстоять, не пасть духом, остаться человеком. Вы убедили в этом зрителей».

И, наверное, в чем-то смыкаются с письмом псковитянки слова новгородки, ветерана сцены, заслуженной артистки РСФСР Анаиды Арсеньевны Мирзоевой. Полвека отдала она сцене, играла в самые трудные военные и послевоенные годы. И сейчас продолжает выступать в цехах заводов, в студенческих аудиториях, колхозах.

— Я ценю в Крюковой жизненную правду, которую она несет со сцены, эмоциональность, простоту, искренность во всех ее ролях, — говорит А. А. Мирзоева. — Вообще я ценю в каждом актере именно эти качества — чтобы не было нарочитой театральности. Ее, к счастью, нет в Валентине.

Л. ХАНОВА.

НА СНИМКЕ: актриса Новгородского драматического театра В. А. Крюкова. Фото В. Комиссарова.